

Ирина Курамзина

АНТРОПОЦЕРВИЗМ

16+

Ирина Курамшина

Антропочервизм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42394388

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник рассказов И.Курамшиной «Антропочервизм» – это истории о нравственном выборе, счастье и любви, долге и обязательствах, о жизненных путях-дорогах, несовершенстве окружающего мира и о нашем месте в нем. Героини рассказов попадают в смешные или трогательно-нелепые ситуации, неожиданно где-то на другом континенте встречают любовь всей своей жизни или не могут найти выход, наглухо закрыв перед этим все двери...Обильное количество метафор, используемых автором, сделали сюжеты живыми и сочными. Грамотно и реалистично изображенная окружающая среда своей живописностью и многообразием будоражит воображение, навеяв собственные воспоминания.

Содержание

Антропочервизм	4
Бермудский квадрат	15
Муж Музы	22
Проект CrookO`Dill	32
18-й этаж	42
Часть I	42
Часть II	44
Звонок	47
Воля, Надежда и Вера	51
Воля	51
Надежда	56
Вера	60
Воля	64
Надежда	68
Вера	70
В погоне за здоровым духом	75
Новая курточка	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Антропочервизм

С благодарностью Андрияну Ниткину, направившему совместные мысли автора и героини в нужное русло...

Кэт ползла по свежему торфю и всеми своими сегментиками ощущала теплое дыхание вечера... Согнулась, разогнулась, снова согнулась, разогнулась, опять согнулась...

«А ползаю я быстрее черепахи», – жирная червячиха Кэт никуда не торопилась, но невольному сравнению с предметом житейских анекдотов, да еще в свою пользу, удовлетворенно порадовалась, распрямилась и замерла, медитируя. В одной из прошлых жизней она была йогом, навыки с тех давних пор остались. Червячиха, закрыв глаза, распевала любимую мантру и вдруг явственно увидела свою следующую жизнь в человеческом облики. В той жизни Кэт станет милой девушкой Екатериной. Сколько себя помнит, она всегда была Катькой, имена слегка менялись, но суть оставалась одна – Кэт-ти, Кати, Кэт, как сейчас. Да-да, у червей тоже есть имена. А вы не знали?

Видения будущего кучерявым облачком вползали в сознание...

Екатерина – молодая девушка двадцати трех лет от роду, красивая, с идеальной точеной фигуркой, густыми рыжими

волосами, сидит на диване, по-турецки скрестив ноги, тупо уставившись на разложенные карты Таро. Катька никак не может понять, что случилось, почему ее только-только было наладившаяся личная жизнь в одночасье изменилась. Она пытается найти ответ, и карты складываются в комбинацию «слушай советы близких».

«Уже две недели как в тумане. Дальше своего носа ничего не вижу, поревела от души, сижу в ступоре, раскачиваюсь, как маятник, и вою волком какие-то непонятные песни на хинди, только в подушку вою, а не на луну... Советы близких...

Самые близкие, самые родные твердят в один голос: “Твои слезы не стоят этого “козла”. Если случилось то, что случилось, значит, для тебя так лучше. Во всем, даже в любом несчастье есть свои хорошие стороны, ищи плюсы в сложившейся ситуации и двигайся дальше. Это твоя жизнь, и кто-то, а ты уж точно не упustiшь своего шанса. Коль уж захочешь быть счастливой, прожить свою жизнь лучше остальных, то проживешь, мы-то знаем...”

Что-то я слишком много думаю в последнее время. Хорошо бы, задачка разрешилась сама собой, без усилий с моей стороны и без головоломок...»

А как все волшебнo начиналось... Стрела Амура сразила Катьку любовным ядом сразу же, в первую минуту встречи с Димкой. Отчаянные перестрелки глазами весь вечер, случайные прикосновения, от которых во все стороны лете-

ли искры, и затем трогательное признание в любви с первого взгляда, сделанное парнем на лестничной клетке, исправно сослужили свою службу. Катька влюбилась, как не влюблялась, пожалуй, с седьмого класса. Она только и думала о Диме, лишь о нем хотела говорить, только с ним хотела быть. Хотелось верить во взаимность чувств, и Катька верила. Не прошло и недели, как она практически переехала жить к Козлову со всеми своими фенами, шампунями, бальзамами, мочалками, гелями, кремами и прочими мелкими штучками, так облегчающими жизнь любой женщины. Козлов не возражал, ему понравился уют, который стала создавать вокруг любимого подружка. По чистому полу теперь было приятно ходить босиком, командно отмытые окна сверкали чистотой, а после холостяцких ужинов, состоящих, как правило, из пельменей да сосисок, Катькины воздушные омлеты на завтрак и мясные рагу на ужин казались Димке верхом кулинарного искусства. Люди быстро привыкают к хорошему. Через неделю Козлов потребовал на обед борщ, и не просто борщ, а всенепременно с украинскими галушками.

Внезапно что-то заслонило свет, прямо перед собой Кэт увидела реденькую бородку, бессмысленный взгляд и апатично двигающиеся толстые отвисшие челюсти. Челюсти приближались все ближе и ближе...

«Козел!» – только и успела мелькнуть леденящая мозг мысль. В ту же секунду Кэт была проглочена вместе с капустным листом. Несчастье случилось, потому

что она не заметила, как за своими хаотичными мыслями поползла до ближайшего огорода и забралась на любимое лакомство рогатой скотины.

Кэт огляделась. Желудок, в который она попала, был переполнен. Кэт с трудом протиснулась между еще не переваренными капустными листьями и прилипла к стенке желудка. Пока глаза привыкали к темноте, она мучилась от тошнотворного козлиного запаха. Что-то знакомое было в этом запахе. Мозг опять начал свою лихорадочную работу. И тут до Кэт дошло: она в гостях у Димки-козла, того самого Димки, в желудке будущего Димки Козлова. Как это ни странно, но его имя тоже не претерпевало изменений в веках.

– Попался, голубчик! – ехидно рассмеялась Кэт в темноту, яростно вгрызаясь в живую мягкую ткань. – Я объявляю тебе войну! Я отомщу за себя и за свое будущее!

«Так, чуть-чуть успокоилась, буду рассуждать, как говорится, логически.

Несколько отвлекаясь от внутренней душевной сумятицы, начинаю вспоминать... Интересно, откуда у меня тяга к медитированию? Итак, прыщи надо лечить изнутри. А вот с создавшейся ситуацией лучше начать разбираться снаружи, чем я и занималась последнее время. Надо же, только сейчас заметила, что, приводя себя в чувство, дабы отвлечься от мрачноватых мыслей, я невероятно похорошела. Много-

численные маски, ароматические и успокаивающие ванны, новая прическа и посещения солярия – вот так результат!»

Катька поднялась с дивана, подошла к зеркалу, почти приплюснулась к нему, разглядывая себя:

«Ну и дела! Кожа посвежела, просто сияет, румяная: чем не плюс?!!»

Карты категорически не хотят подсказать Катьке, когда, в какой момент была допущена ошибка. А собственно, была ли ошибка? А мальчик? Целыми днями на протяжении двух недель девушка прокручивает события прошедших месяцев. И не находит абсолютно никаких зацепок, чтобы понять то, что привело пылкую Димкину страсть к холодной отстраненности.

Катька всегда знала, что при бессоннице чувствуешь себя лучше и увереннее. Казалось бы, не выспишься, значит, будешь сонной и вялой, но, странное дело, в малых дозах от этого недосыпа чувствуешь себя бодрее, сильнее. Мать Катерины говорит, что это сказываются гены, наследственное, сама она спит по четыре-пять часов в сутки, но всегда весела. А как тут спать? У девушки внутри все горит, ее потрясывает, как в мчащемся поезде, удары сердца в минуту стремятся к бесконечности. Катька похудела, лицо несколько осунулось, но худоба стала даже благородной, на улице мужчины все чаще оборачиваются ей вслед. Грустное и жутко несчастное выражение Катеринино лица окружающие принимают за томный взгляд и загадочность, на новой работе (там ее по-

ка еще не успели узнать, как следует) то и дело говорят «Ты такая необычная, странная. Но этим притягиваешь к себе!»

Несчастное животное пыталось сопротивляться. Димка-козел носился по огороду и яростно блеял, переполошив мирно спящих куриц и загнав в конуру своими дикими завываниями свирепого пса-кавказца. А Кэт упорно делала свое дело, добросовестно препарируя стенки желудка будущей любви. Димка-козел даже предположить не мог, на что способны женщины в своей мести. Что за прошлое мстить, что за будущее – им без разницы. Женская фантазия при этом безгранична. Козел метался между грядок от забора к забору, бился об него, в конце концов сломал свою гордость – рога. На войне, как на войне!

Мать заглянула в комнату, увидела карты и снова начала «пилить» дочь:

– И зачем ты к нему потащилась на ночь глядя? Сказал же тебе, не приезжай. Он тебе больно делает, а ты снова за свое. Вот скажи, для чего поехала?

– Не знаю, – Катька действительно не знает ответа, отстраненно улыбается. – Скучала, хотелось снова увидеть, посмотреть в глаза. И вообще, я просто хочу его.

– Ну и? Добилась своего? – мать пытается говорить сочувственно, а получается насмешливо и даже немного зло.

Но Катьке это нравится больше – насмешка лучше жалости.

– Я не добивалась, это он добивался, а я его просто добивала. Тьфу. Каламбурю. Представляешь, спим. Уже после того, как он добился. Я только начинаю переворачиваться в его сторону, он в долю секунды успевает подставить мне спину, лишь бы не лежать лицом к лицу. Тогда я эксперименты провела. Он не любит спать на левом боку. А я как раз под его правый улеглась. Вот я всю ночь и ворочалась специально, заставляя его на нелюбимый бок поворачиваться. Видела бы ты – он как уж на сковороде вертелся. А во сне меня в охапку сгребет, по привычке, видимо, и снова храпеть, потом очнется и давай толкаться, переворачиваться и одеяло на себя тянуть. Я под утро не выдержала и сказала ему: если ты думаешь, что чем больше ты мне делаешь, тем мне будет легче, то сильно ошибаешься. Я упрямая, как и ты, козел! А он разозлился и потребовал скорее освободить его квартиру от ненужных более вещей. Оказывается, мои бесчисленные трусы заполонили ванную и мешают его священным носкам сушиться в положенном им месте – на батарее.

– Это война. Значит, на самом деле все закончилось, – подвела итог мать. – Кстати, – она решила отвлечь дочь от грустных мыслей, – ты не знаешь, почему у нас трубка разряжена, ночью же на базу кладем?

– А, трубка... – Катька на секунду задумалась, а потом затряслась от смеха. – После того как мы вчера с Козловым по телефону поговорили и он мне заявил, что ставит на наших отношениях жирный крест, что мы окончательно расстанем-

ся, у меня этот крест тут же картинкой перед глазами замаячил. Да так замаячил, что у меня, словно ураганом, снесло «крышу». Я с ним договаривала и в то же время одевалась, а прощались – уже у лифта стояла, конечно же, с телефоном. Ну и бросила эту трубу не глядя в сумку, и полетела машину ловить. Так всю ночь с трубкой и проездила. Остальное ты уже знаешь.

Силы Димки-козла были на исходе, Кэт ликовала. Ее месть удалась.

«Может, стоит сказать спасибо Димочке? Вместо моих попыток вернуть все назад его следует поблагодарить за ледяной душ, от которого я проснулась и все вокруг начало меняться. – Катька еще раз перечитала недавний разговор с Козловым по ICQ. – Вот заладил: не приезжай, оставь меня в покое, поскорее заberi свои вещи, не знаю, не хочу, не буду ничего объяснять. А что же ты, милый, принимаешь меня, когда приезжаю, и даже любовью со мной занимаешься? Слабый ты, слабый. Боишься потерять свою холостяцкую независимость. Чураешься меня как огня. Мне гадалка еще пять лет назад нагадала, что раньше 26-ти лет замуж я не выйду. Так что три года у меня еще в запасе есть, и мы могли бы очень даже хорошо “пожить”. Мне, кстати, моя свобода тоже дорога. Пока. Пока я знаю, что с ней делать. А вот ты, видимо, испугался серьезных отношений, понял, что затянет тебя воронка налаженного быта, привыкнешь к вкусной и здоровой пище, к чистоте и уюту в доме. Неделю меня не было,

так в холодильнике одни пельмени в морозилке, грязью весь зарос, коробки да пакеты по всей квартире. Ноутбук новый купил, усиленно перекачиваешь на него данные со старого, почти в обнимку с новой игрушкой, только что не поглаживаешь от переизбытка чувств. Даже в туалете с ним сидишь. Я сразу песню вспомнила “Это любовь, любооооооооовь!” Вот уж точно, роман у тебя с самим собой, а любовь – жаль, не взаимная – к ноутбуку. Хорошая у вас семейка получилась! Что же с тобой происходит? Такое впечатление, что я упустила важную деталь... Внутренний голос подсказывает, что я что-то знаю про тебя, да только вспомнить никак не могу. Возможно, тебя гложет какая-то тайна?

И в то же время, благодаря тебе, Дима, я теперь уж точно знаю – жить не скучно. Когда тут скучать? Опять-таки к плюсам: каждый день что-то новое и не знаешь, чего ждать, и не ждешь уже... А все равно как на вулкане – рванет или нет? Однако мне теперь очень и очень хорошо стало. Я ведь сейчас чувствую себя на миллион евро! Так что спасибо, Димочка!»

Катяка смешала карты, размахнулась и зашвырнула колоду за шкаф. Собравшись на встречу со старым знакомым из далекого алтайского города, она критически оглядела себя в зеркале, осталась довольна и на прощанье очень доверительно шепнула своему отражению:

– А Козлов-то что плитка дорогого темного шоколада – обертка красивая, манящая, а внутри горькая, жесткая. На

любителя это лакомство оказалось, что и требовалось доказать, в общем-то.

Подумала немного и добавила:

– И все-таки есть, определенно есть во всем этом свои плюсы. Мужчины теперь просто роem выются вокруг меня. И все лупятся, лупятся. Или, как говорит мать, штабелями падают и складываются друг на друга. Спасибо, милый, еще раз!

– *Ничего не пойму, странно это все... – жаловалась соседке хозяйка Димки-козла через несколько часов после начала военных действий Кэт. – Еще утром был козел козлом, а сейчас – глянь, что с ним происходит!*

Козел лежал у забора и, завалившись на бок, изредка подпрыгивал конечностями в конвульсиях, началась агония. Сквозь едва заметную дырочку на животе тоненькой струйкой сочилась кровь. Безумный взгляд Димки-козла, в котором застыл немой вопрос «За что?», был устремлен на уползающего червячка.

– *Прощай, дорогой! – Кэт обернулась и беззвучно, одними губами прошептала: – До встречи в скором будущем!*

Как-то, ожидая свой рейс в аэропорту, Катька наткнулась на интересный плакат – симпатичный козлик, невероятно похожий на бывшего возлюбленного – Козлова, с застывшей в оскале улыбкой, удобно расположившись в кресле самолета, положив копытца на клавиатуру, рекламировал

ноутбук. Рекламный лозунг на плакате призывал всех обзавестись удобными и современными компьютерами нового поколения, с которыми в любой точке земного шара легко и просто. «Даже я освоил!» – гласила приписка на плакате. Екатерина, увидев плакат, от неожиданности вздрогнула, пролила на белый кожаный плащ гранатовый сок и еще долго, почти до самого дома, чертыхалась, отгоняя от себя видение. Она давно перебралась на Алтай. Ее супруг, один из самых преуспевающих людей края, свою жену обожает и разве что на руках не носит. У супругов трое детей, девочки–близнецы как две капли воды похожи друг на друга и своего отца, а старший сын – вылитая мать в детстве. Катерина счастлива, у нее имеется все, о чем она мечтала. Вот только шоколад есть отказывается, и сладкий, и горький. На него у Катьки с незапамятных времен стойкая аллергия.

Бермудский квадрат

Три дня назад бабка из соседней деревни, что находится неподалеку от наших дачных участков, убивалась по пропавшей корове. Позавчера участковый милиционер опрашивал всех по поводу двух мальчишек, тоже вроде потерявшихся. Я особого внимания на эти происшествия не обратила.

А сегодня пришел сосед с похожим вопросом:

– Моя собака к вам не забегала? Третий час уже не появляется. – Василий явно нервничал.

– Что такое? – Я, зная собаку Василия, которая гуляет самостоятельно и всегда возвращается, не волновалась, но постаралась поддержать соседа. – Может, дружка встретила? Заигралась. Не переживай, вернется Джулька.

– Да нет. Все гораздо серьезнее. Тут дело такое, – Василий как-то воровато оглянулся, приблизился ко мне вплотную и прямо в ухо забубнил: – Ты про наш «Бермудский квадрат» знаешь ведь? Да конечно, знаешь. Про него вся округа знает. А Джулька моя как раз в сторону «Квадрата» и пошла гулять. В нем все дело! Ох, боюсь я за свою собаченцию, ох, боюсь...

Рядом с нашими дачами через дорогу простираются бескрайние совхозные поля, за дачами же – смешанный лес. А дальше, у озера, есть небольшой необычный участок леса, примерно двести пятьдесят на двести пятьдесят метров. Станный, скажем так, участок. Мистика сплошная, да и

только. Идешь вдоль озера, слева водная гладь слегка рябит, справа лес простирается – красивый, сосны с березками. Светлый, веселый лес, в солнечную погоду между деревьями лучами сверкает, росой на густой траве переливается. Но неожиданно эта красота пропадает, словно невидимая рука черту провела. С одной стороны – ясный день, все лучится и дышит жизнью, с другой – беспросветная мгла без единого проблеска. Ни березок, ни сосен, даже подлеска нет, ни единого кустика, лишь сумрачные елки стоят сплошной стеной. И травы в помине тоже нет. Вместо травы – мох темный. А уж о цветочках и ягодках даже говорить не стоит. И птицы не летают. Тишина кладбищенская. Стоишь в пяти метрах друг от друга, кричишь, зовешь, а ничего не слышно. Даже эха. Вот это и есть «Бермудский квадрат». А пройдешь дальше вдоль этой темени – опять невидимая рука отчертила линию, и снова сердце радуется солнцу и жизни.

Вообще-то в «Бермудах» или «Квадрате» кое-какая живность водится: насекомые, например, но все больше пауки с огромнейшими сетками из паутины да муравьи невероятных для этих представителей фауны размеров, которых и раздавить-то боязно, потому что элементарно – страшно. Вы бы смогли раздавить сапогом нечто, глядящее на вас пронзительным взглядом? А «бермудские» муравьи, да и пауки тоже, именно так умеют смотреть.

В «Бермудском квадрате» вечно кто-то теряется: то живность домашняя, то подвыпившие аборигены. Все, как пра-

вило, находятся, но не сразу. И вроде небольшой «Квадрат» этот, а прочесывают его вдоль и поперек по несколько раз в поисках потерявшихся – безрезультатно. Время проходит, потерявшиеся сами выбираются из «Бермудов». Мужики потом байки рассказывают про то, что там видели, такие небылицы плетут, что местным кумушкам на месяц хватает, чем языки свои занять.

Чего только стоили лет пять тому назад рассказы механизатора Петьки-хромого про шабаш ведьм! Он так реалистично описывал события, развернувшиеся на его глазах, что заподозрить вечно пьяного тракториста совхоза «Путь к изобилию» во вранье или «глюках» было трудно. События той ночи долго будоражили и без того воспаленные «Квадратом» умы местного населения. Обычно народ стороной обходит

таинственную зону, а после памятной ночи тропа к ней так утрамбовалась, будто стадо мамонтов прошло. Всем хотелось своими глазами увидеть пляски голых ведьм или хотя бы следы их присутствия в лесу. Но везунчиком так и остался один-единственный Петька-хромой. Известное дело – ведьмы шабашат только раз в году. А вот таинственные следы или странные знаки находили многие. Дачники тоже не остались в стороне от событий, бегали в лес к «Квадрату», а потом за вечерним чаепитием делились с соседями увиденным.

Очевидцев сразили наповал «ведьмины круги». Их бы-

ло много. Вокруг елок геометрически правильными кругами выросли грибы – мухоморы и поганки, высокие, крепкие и аппетитные. И это зрелище было одновременно и потрясающе-завораживающим, и гнетуще-отталкивающим.

Василий тоже был ходоком до «шабашей», потому сейчас и выглядел напуганным.

– Ты ж видела, у меня вчера гости приехали. Мы со сватом так «набубенились» в бане, что даже не помню, как оказались у «Бермудского квадрата» и Джулька с нами увязалась. Может, гулять с ней пошли, а может, чего задумали. Право же, не помню почти ничего. Помню только с момента, когда мы уже зашли в «Бермуды». Там такая темень. И тишина. Такая зловещая тишина, что сразу виски заломило.

И чем дальше Василий говорил, тем лихорадочнее становился блеск в его глазах. Зрачки расширились, а сами глаза, обычно раскосые, приняли странную эллипсовидную форму.

– А сват мой прет в глубь «Квадрата» и прет. Я ему кричу – не слышит, свищу – бесполезно. В общем, и я за ним пошел. Хоть и пьяный был, а соображалка сработала: сват – то не местный, всех тонкостей про нашу таинственность не знает. Спасать его надо. – Тут Василий надолго замолчал.

– Что-то я не понимаю, при чем тут Джулькины сегодняшние прогулки, если вы вчера ходили? Да и свата твоего я видела сегодня.

– Ох, не знаешь ты главного. Мы там такое увидели! Та-

кое! Я когда свата догнал, прямо в его спину уткнулся. А он стоит как истукан, глаза вытаращил и пальцем тычет вперед. Я как посмотрел вслед за его пальцем, сам чуть Богу душу не отдал. Ты когда-нибудь видела муравейник размером с дом? Нет? А там есть такой. И муравьи ползают, такие огромные, что наши кошки. И копошатся, копошатся. Зрелище не для слабонервных.

– Ну, муравейники громадные, допустим, в природе встречаются, а вот муравьев размером с кошку не бывает. – Я не поверила Василию ни на секунду. – Вы в прошлом году с тем же сватом в заброшенный коровник залезли за навозом сорокалетней выдержки, помнишь? И что? Надышались навозным наркотиком и тоже сказки рассказывали про чертей да привидения. И русалок ваших из пруда помню. Как же, после «паленой» водки и не такое привидится. Так что, Вась, вспомни притчу про пастуха и волка и перестань народ пугать своими бреднями, примерещилось вам со сватом все с пьяных глаз.

– Примерещилось?! – вскрикнул Василий. – Да у нас и доказательства есть. Мы, когда очухались, сват свой мобильник достал и начал снимать на видео это девятое чудо света. Долго водил камерой, со всех сторон снял.

– И что, получилось? – мне стало уже интереснее. Одно дело слова, совсем другое – материальное доказательство. Сама когда-то была свидетелем зависшей инопланетной «тарелки», да вот заснять на видео не успела. А Василий с тех-

никой дружит давно, большой дока по этой части.

– Мы когда вернулись, даже и не вспоминали про этот муравейник. Опять в баню пошли, добавили, сама понимаешь. И только когда спать укладывались, вспомнили про это дело. Позвали своих жен и стали им отснятое показывать. Так вот здесь жуть-то и началась. Около муравейника примерно в полутора метрах над землей рожа чья-то показалась, как из тумана, ни рук, ни ног – одно лицо странной формы в виде пня. Глаза! Это даже не глаза, одни глазницы смоляные, чернее ночи, и рот открытый, и тоже черный внутри, и квадратный. И вся эта хренотень двигается, то приближаясь, то удаляясь. А тела не видно. И ведь, когда сват снимал муравейник, ничего подобного не было, мы ж рядом стояли, совсем близко. Такое бы не забыли. Мистика какая– то. Ты как думаешь? Джулька вернется? Ее этот пень не сожрет? Я Тамарке боюсь говорить, что собака в ту сторону потопала. Они со сватьей и так вчера страху натерпелись с нашими мобильными съемками.

– Тащи телефон, я тоже хочу посмотреть. Тогда и поговорим конкретно.

– Я мигом. И свата заодно приведу. Как свидетеля.

Василий безропотно побежал к калитке. Не знаю почему, но мне он доверяет и всегда приходит за советом. Сейчас принесет вещественные доказательства, и я тоже приобщусь к тайне нашего «Бермудского квадрата».

Вернулся Василий быстро, и свата привел, как обещал.

Только что-то кислые физиономии у них.

— А мобильник разрядился. Странно. Я его вчера перед отъездом зарядил. — Это уже сват. — Обычно на три дня хватает. Странно, странно...

— Да у меня эта же модель, и зарядное устройство есть. Сейчас принесу, подключим. Делов-то!..

Я принесла зарядное устройство. Сват почему-то дрожащими руками долго совершал простейшие манипуляции. Наконец, ему удалось подключить телефон, он набрал PIN-код, аппарат привычно тренькнул приветствие и... Прямо на наших глазах с телефоном стало происходить невероятное: экран вспыхнул ярким светом, затем погас, сам телефон издал какой-то жалкий мяукающий звук и «приказал долго жить». Хорошо хоть, не задымился, как в любимом народом фильме «Гений».

Джюлька вскорости вернулась живая и невредимая. Сват долго бегал с телефоном по мастерским, но безуспешно. С Василием и его женой мы договорились никому об этом происшествии не рассказывать. Засмеют ведь. А тайна «Бермудского квадрата» так и осталась тайной.

Муж Музы

Спасибо Саши Тюжину за идею

Шла вторая неделя с тех пор, как писатель Овечкин бесцельно и безвольно (что ближе к истине) целыми днями валялся на диване. Изредка он включал телевизор, лениво щелкал пультом по каналам, пытался всматриваться в то, что мелькало на экране, вслушиваться в слова, но все казалось нереальным, далеким, чужим или попросту неинтересным. Диван был старый, продавленный, в нескольких местах пружины почти прорвали обивку, они так и норовили впиться в тело Овечкина, который, однако, ничего не замечал. К тому же он никогда и не придавал таким мелочам большого значения. А тем более сейчас... Когда отсутствовал интерес к жизни, когда был утерян ключик к ее смыслу...

Всеволод Геннадьевич тосковал. Та, которая верой и правдой служила ему несколько лет, исчезла. Самая желанная, самая любимая и лучшая из женщин покинула его, не оставив ни записки, ни какого-либо намека на причину своего ухода – ни-че-го.

– Я даже номера ее телефона не знаю... – страдальчески стонал Овечкин и тут же сам себя одергивал: – А зачем бы он мне понадобился, когда она была всегда рядом?

Привычка пагубно влияет на тело, а уж про сознание и говорить нечего. Писатель настолько привык к постоянному

присутствию женщины, что совершенно позабыл о далеких временах без нее. Без нее, без своих романов, которые (что греха таить?) были и написаны-то под воздействием чар искусительницы. Или вдохновительницы?

Всеволод Геннадьевич призадумался: «Черт! Прямо наваждение какое-то. Почему я не могу вспомнить, как ее зовут. И лицо не помню, ни единой черточки. Может, у меня “белая горячка” началась? Да нет же – я не пью. Интересно, у трезвенников она случается? Ничего не помню, но точно знаю, что я кого-то люблю и это существо – стопроцентно – женского пола. Да, люблю... Или любил?.. А может, придумал любовь?..»

От размышлений его оторвал напористый звонок в дверь. Пришлось долго искать тапочки, тащиться в прихожую. Овечкин надеялся, что назойливый посетитель не выдержит долгих сборов хозяина квартиры и уйдет. Но трель не смолкала.

Прежде чем открыть дверь, Всеволод Геннадьевич предусмотрительно прильнул к глазку. По ту сторону стоял и вымученно улыбался пухлый тип в старомодной ондатровой шапке-ушанке, в короткой дубленке времен перестройки и с небольшим потертым чемоданчиком в руках.

«Родственник из глубинки?..» – вспыхнула и тут же погасла мысль, так как Овечкин вспомнил, что он сирота с давних восемнадцати лет. В целом мужичок за дверью не вызывал опасений, потому Всеволод Геннадьевич отворил дверь

и осторожно спросил:

– Вы ко мне?

– Если вы – господин Овечкин, значит, точно к вам, – ответил незнакомец, сменив вымученность подобием приветливости.

Хозяин без дальнейших расспросов пропустил гостя в квартиру и предоставил тому самостоятельно разъяснить цель своего визита.

– Понимаете, Муза Вейсаловна не на шутку разболелась. Мы сначала думали, день-два и пройдет, а у нее температура до сих пор держится, так что она никак не может выйти на работу. Да к тому ж еще праздник сегодня, День всех влюбленных. Вот потому и...

– Что «и»? – растерянно спросил Овечкин. – Кто такая Муза Вей... как там вы сказали, не запомнил?

– Муза Вейсаловна. Моя жена. Она же у вас работает.

– У меня?! Ваша жена?! – Всеволод Геннадьевич запаниковал.

– Да вы не волнуйтесь, Сева, – добродушно, почти породственному, изрек гость и продолжил: – В нашем одиннадцатом управлении принято: когда жена болеет, ее работу обязан выполнять супруг. Таким образом, до полного выздоровления Музы – я в вашем полном распоряжении. Вот только извините, по специальности я – слесарь, так что подсобить смогу лишь по части сантехники.

Увидев, что Овечкин стал блее мела и как подкошенный

повалился в кресло, сантехник из одиннадцатого управления бойко отрапортовал:

– Можете написать заявление – вам пришлют другую Музу (у нас в управлении весь женский пол имеет одинаковые имена). Но не факт, что новая Муза быстро освоится с возложенной на нее миссией. Выбирать вам.

Минут пять в квартире стояла гробовая тишина, на фоне которой гулко бьющееся сердце хозяина квартиры казалось тому громовым раскатом. Гость же робко переминался с ноги на ногу, вопросительно глядя на Овечкина.

– Так как? Мне приступить к обязанностям? Или заявление будете писать?

– Подожди. Заладил: заявление, заявление... – пришел в себя Овечкин. – Тебя как звать?

– У нас в конторе всех работников-мужчин зовут просто мужьями. Без имен. Так и зовите меня – Муж.

– Муж, так Муж. Только давай без церемоний, на ты. И прошу к столу. – Всеволод Геннадьевич гостеприимно распахнул перед гостем дверь на кухню. – Как говорится, подкрепимся тем, что Бог послал.

Ситуация стала забавлять Овечкина. Мужичок ему нравился. И хоть Сева так до конца и не понял, о какой своей работнице – жене Мужа шла речь, была в ситуации некая пикантность, нестандартность и таинственность. Из тех женщин, кто бывал в квартире писателя, в супруги новому знакомому, скорее всего, подошла бы Анна Митрофановна,

приходящая раз в неделю наводит у Всеволода чистоту и порядок да приготовить борщ на три-четыре дня.

«Раиса из издательства слишком юна для этого дядечки, Ольга Ивановна – старая. Хотя разве они мои работницы? Скорее, я на них тружусь. И потом... Он же сказал – Муза Вейсаловна. Неужели эта?.. Значит, ее зовут Музой. Но как... почему? Я не помню, не знаю... Работает у меня... Кем?..»

– Так музой и работает, – словно подслушав мысли Овечкина, пояснил Муж. – Твоей музой.

– Прости, кем? Как ты сказал? Повтори-ка. – А в голове застучало: «Глюки какие-то, сказка наяву. Я, наверно, сплю а это все мне снится».

– Экий ты, Сева, непонятливый да еще недоверчивый. Сон, сон... – заворчал собеседник. – Какой, к чёрту, сон? Реальнее не бывает. Моя Муза – твоя муза. Помогает тебе творить. Ты же писатель. – Муж удовлетворенно хмыкнул. – А каждому творцу по штату положена муза. Некоторым по особому распоряжению выделяют иногда две или даже три музы, но не более. Причем на короткий срок. Ну, это... как у олимпийцев, когда они на рекорд идут. Но обычно на одного творца положена одна муза. Штатное расписание у нас меняют редко. В исключительных случаях наши музы трудятся пожизненно. То есть до конца вашей жизни, писательской или, скажем, композиторской.

Гость все говорил, говорил, а Овечкин уже не слушал,

вспоминая свои ощущения, когда Муза была рядом. Он будто растворился в них, смаковал их на вкус, мысленно прикасался к своей фее. Тем не менее осознать слова Мужа о болезни Музы не получалось, как и воссоздать в памяти ее лицо. Будто сквозь сон до Всеволода долетало:

– Вам-то положено по одной музе, а на них самих лежит забота за десяток, иногда и больше, творческих личностей, типа тебя. Теперь мне предстоит всех жениных клиентов обслужить. Так что давай, говори, что у тебя починить – я мигом исправлю, руки у меня из чистого золота. Не веришь? Пощупай, можешь даже на зуб попробовать.

С этими словами Муж поднес ко рту Севы свой указательный палец. Но, увидев, что писатель отрицательно завертел головой, сунул руку в карман дубленки и замолчал, вопросительно взирая на Овечкина.

– Может, ты разденешься? Жарко у меня что-то, – после пятиминутной паузы предложил хозяин квартиры.

– Да-да-да, – весело засуетился Муж, скидывая верхнюю одежду. – Слишком жарко. Сейчасотрегулирую температуру отопления, и будет полный порядок. Но сначала мы проветрим помещение. – Он по-хозяйски распахнул форточку.

Без дубленки гость показался еще пухлее: невероятных размеров пузо обтягивала выцветшая клетчатая рубаха на выпуск. Затрапезные «треники» только усиливали эффект необъятности форм. Завершала комплектность толстоты аб-

солютно лысая голова с небольшими выпуклостями над ушами.

«Рога растут, – подумалось Овечкину. – Вероятность того, что я сплю, равна ста процентам».

– Опять не угадал, – рассмеялся мужичок, расположившись на полу у батареи.

Он открыл свой чемоданчик, и взор Всеволода Геннадьевича уткнулся в стандартный набор слесарных инструментов – чистеньких, блестящих, аккуратно разложенных в строгом порядке по величине.

– Это не рога, Сева, а банальные шишки, которые я всякий раз набиваю, когда натыкаюсь на подобных тебе недоверчивых творцов. Наши музы – верные, порядочные и самые преданные на свете жёны. И клиентам они не изменяют, как порой некоторые думают. Просто сейчас у нас в управлении дефицит с кадрами. Вас, творящих, стало слишком много, а музами не становятся, музами – рождаются. И, заметь, рождаются музы только от муз. Но какие могут быть декретные отпуска у наших жен, когда каждый второй стал писать книги, каждый третий – музыку, каждый четвертый – картины? Сам посуди – если муза уйдет в отпуск по уходу за ребенком, каково будет вам? А нам – мужьям? Представляешь? Ты у меня сегодня уже шестой клиент. Еще к пяти нужно успеть до захода солнца. И всем объясни, растолкуй подробно, что да как. И все в депрессии, и все на диванах, и ни один не хочет даже строчки написать или мазка по холсту сделать.

Хорошо, что ты, Сева, не пьющий. До обеда с одним подопечным моей жены пришлось два часа делать вид, что водку люблю. А утром одну малолетнюю дуреху еле откачал – вены себе перерезала. Ей, видите ли, показалось, что исчерпала свой творческий потенциал. И сразу за бритву хвататься?! Что за нравы у современной молодежи. Лет двести назад было значительно легче. Каждая муза работала только на одного клиента, и отпуска девочкам полагались, когда клиенты сознательно делали творческие перерывы. А что сейчас? Стахановки! Иначе не скажешь.

Овечкин при этих словах смутился и покраснел. Он вспомнил, что подписал с издательством договор, по которому должен был два раза в месяц предоставлять новый роман. А сюжеты где брать, скажите, пожалуйста? Да и сидеть по двенадцать-четырнадцать часов в день за компьютером – не каждый человеческий организм выдержит. Но если план не выполнить, издательство может запросто договор расторгнуть. А жить-то на что, если, кроме как умения сочинять, другого не дано? Учиться новому ремеслу поздно. Вот и тянешь лямку писателя, высасываешь из пальца истории, от которых самого мутит. Мысли в голове прокручивались, словно в мясорубке, мыслефарш просился наружу. Это было ново и тягостно – Овечкин неожиданно расплакался.

– А ты поплачь, поплачь, слёзы помогают выходу негативной энергии, – добродушно поощрил Муж. – Я иногда на свою жену смотрю, когда она с работы возвращается, то-

же плакать хочется. Она ведь старается, вкалывает без выходных, без отпуска, но стопроцентный положительный результат в последнее время все меньше и меньше. Очерствели творцы. Тут ты прав – мутит. И не только вас, но и муз, и нас мутит, и наше начальство тоже. Но не помогать не можем, прејскурант услуг расписан много веков назад.

Он удовлетворенно крикнул и стал собирать инструмент.

– Отопление отрегулировал. Попутно трубы прочистил, они у тебя в жутком состоянии были – в трех местах свищи начали образовываться. Я их устранил. Сейчас еще в ванной кран починю, подтекает ведь давно, а ты даже не замечаешь. И всё, мне по другим адресам поторопиться нужно.

Овечкин воспаленными, красными от слёз глазами, смотрел, как красиво и споро делает свою работу этот странный сантехник. Как будто воочию Всеволод увидел белый лист бумаги, по которому резво понеслись буквы, слагаясь в слова и соединяясь в предложения. Муж Музы оказался достойным ее заменителем. Вдохновленный Овечкин бросился к родному компьютеру.

– Э... Сева! Остановись-ка. Не пойдет! Кому нужен такой сюжет в романе? Уборщица, обслуживающая десять участков и не справляющаяся ни на одном. Фу! Вёдра, половые тряпки, неподъемные мусорные баки, грызуны, которых трахать нет сил... Мне Муза рассказывала, что твоим читательницам требуется любовь и только любовь! Предлагаю историю про тетю Клаву из вашего ЖЭКа облечь в форму фелье-

тона. И отправь его потом в вашу главную городскую газету – там сейчас как раз ждут нечто подобное, даже место оставили на полстраницы. До завтра успеешь, а я подсоблю – так и быть. Адресочек электронной почты газеты уже на твоём письменном столе. У моей Музы главред этого издания тоже в клиентах. А мне как раз к нему после тебя надобно. Так что пиши, а я в ванной поколдую.

Овечкин даже предположить не мог, что так увлечется публицистикой – фельетон шел легко и быстро. Всеволод и не заметил, как его странный гость закончил работу и тихо, по-английски, ушел не попрощавшись. Лишь ветерок из форточки, открытой мужчиной со странным именем Муж, да прекратившаяся капель из крана в ванной свидетельствовали о реальности существования сумасшедшей сказки.

– Музе – привет и мои пожелания быстрейшего выздоровления, – послал вслед гостю запоздалое напутствие Овечкин.

Проект CrookO`Dill

С благодарностью

*другу Линку Чумовски, рассказ которого лег
в основу данной истории*

В этот тихий полуденный час, когда завтракать уже поздно, а обедать еще рановато, в баре всегда было мало посетителей, в основном – постоянные клиенты из близлежащих офисов, которые, по обыкновению, забежали выпить чашечку ароматного кофе, коим славилось данное заведение. Поэтому девушку, нервно вздрагивающую при каждом позвякивании колокольчика, возвещающего об очередном посетителе бара, не заметить было невозможно. Она беспрестанно курила, то и дело посматривала на часы, оглядывалась на входную дверь и пила уже, по крайней мере, шестую чашку кофе без видимого удовольствия.

За девушкой издали наблюдали две пары глаз. Скрытые сумраком полуподвального помещения бара эти двое хорошо видели девушку, которая сидела у барной стойки. Она никого и ничего не замечала вокруг, занятая только одной мыслью, связанной с ожиданием. Это явно читалось на ее простоватом и в то же время миловидном личике. И только двое знали, кого ждала девушка, и только они могли с уверенностью предугадать, что встреча, которую нетерпеливо ждет Малышка Шелл, не состоится.

За год до события

– Аська, смотри какая штучка попалась в наши сети. – Виталий щелкнул ссылку, и на мониторе появилась фотография очаровательной девушки лет двадцати. – Блондиночка, студентка гуманитарного вуза, помешана на поэзии, музыке, москвичка. То, что нам надо! И ник очень даже ничего – Shello4ка. Малышка Шелл, будем так ее называть, «купились» на мой последний стих. Восторгов море. Чуть ли не до соплей сюсюкает в комментариях. Вечно эти дурочки на мой романтический бред клюют.

Виталий громко и самодовольно рассмеялся под одобрительно-восторженные возгласы супруги.

– Ну-ну... С дурочками, что летят как мухи на мед на твои стишки, совсем неинтересно флиртовать. Зато с дамами, которые на мои стихи пишут отзывы, хотя бы есть о чем поговорить. Не зазнавайся, О`Дилл! Кстати, как переводится ее ник – Shell? Я так понимаю, окончание просто уменьшительное? Но посмотри на всякий случай в словаре.

Ася месила фарш для котлет, потому не могла сама заглянуть в словарь. Обычно она скрупулезно проверяла все непонятное или впервые слышимое.

– Да что там смотреть, – лениво процедил сквозь зубы Виталий, – такие простушки не способны придумать что-либо стоящее. А Шелл – это просто обыкновенное имя, довольно распространенное на Американском континенте. Она не оригинальна в выборе ника. Так ты мне не ответила – берем

ее в разработку?

Механически лепя котлеты, Ася задумалась. В настоящий момент они с мужем крутили виртуальные романы одновременно с тремя девушками и одной дамой бальзаковского возраста. Пара романов слишком затянулась, наступила пора сворачивать их. Блондиночка? Да к тому же дурочка? Почему бы и нет? Новые ощущения, новые эмоции... Это только поспособствует яркости их семейной жизни. Обычно после бурной переписки с очередной виртуальной знакомой следовала не менее бурная реальная ночь любви. С азартом хищника CrookO`Dill заглатывал жертву за жертвой. Страсти бушевали на экране, ярким пламенем страсти горели и на супружеском ложе Крокодилов.

– Берем! – постановила одна из половинок CrookO`Dill(a).

Вторая половина приступила к операции, застрочив с пулеметной скоростью по клавиатуре:

«Малышка Шелл! Ты ведь не будешь возражать против того, как я тебя называю? Думаю, не против. Спасибо, милая, за лестные отзывы о моем творчестве. Я, честно говоря, был просто шокирован, когда заглянул к тебе на страничку и увидел фото своей рецензентки. Детка, ты очаровательна, обворожительна, и я буду просто счастлив переписываться с тобой. С нетерпением ожидаю ответа. Твой CrookO`Dill».

Ответ не заставил себя долго ждать. Восторженная де-

вочка откликнулась немедленно, как будто специально сидела у своего компьютера в ожидании послания именно от CrookO`Dill(a).

Виртуальный паровоз дал гудок к отправлению, и состав тронулся с места, набирая ход.

С каждым днем письма Малышки Шелл становились более откровенными и раскованными, но по-настоящему втянуть ее в виртуальную игру в любовь удалось лишь через полгода переписки. Дурочка оказалась на редкость крепким орешком. Виталий пару раз заупрямился, хотел бросить затею с Малышкой Шелл, но настойчивость Аси – лидера альянса с условным названием CrookO`Dill, взяло верх, и игру с девушкой продолжили.

– Вот и добивай ее сама, – обиделся Виталий. – А мне лично надоело. По мне, так и тех трех, что кроме Шеллочки, хватает с лихвой.

– Виталик, Малышка требует разъяснений по поводу происхождения нашего ника. Пишу как обычно: про посох и жизненный поворот в судьбе?

– Естественно, милая! Кто же будет переписываться с обманщиком или плутом О`Диллом? Ты уверена, что второе значение слова «crook» редко встречается в словарях?

– Уверена, любовь моя, на сто процентов уверена. Только, Виталь, ты мне еще нужен в борьбе с Малышкой Шелл. Без тебя никак.

– Раньше же обходилась, – супруг все еще обижался.

– Так то раньше, – рассудительно заявила Ася. – А теперь особый случай, с подобным мы еще не сталкивались. Придется перейти с Шеллочкой на полувиртуальные отношения.

– Это как? – встрепенулся Виталий. – Мы так не договаривались. Никакого реала – ты же сама устанавливала правила!

Ася обняла супруга и горячо зашептала ему в ухо:

– Мы купим мобильный телефон, оформим его на подставное лицо. Вон хотя бы на соседа дядю Васю. Купишь алкоголику бутылку – он и не заметит, что его паспорт «вышел погулять» на пару часов. С этого телефона ты будешь звонить Малышке Шелл. Увидишь, крепость падет сразу же после первых звонков.

Виталий всегда и во всем полагался на свою супругу, потому и в данной ситуации не стал перечить Асе. Телефон был куплен на имя дяди Васи без особых проблем. Малышка Шелл в радостном возбуждении согласилась на телефонное общение, и начались ежедневные вечерние разговоры, во время которых супруги, прильнув к трубке, в два уха слушали сбивчивые, путанные слова любви, скороговоркой выговариваемые Shello4кой за те пять минут, которые были заранее регламентированы ей CrookO`Dill(ом), равно как и лимит из пяти СМСок в день. Теперь и письма Малышки Шелл, и восторги в рецензиях на новые стихотворения CrookO`Dill(a) – все было окрашено в один цвет – в цвет страсти. Соответственно, страсть кипела и в постели Кроко-

дилов.

А Шеллочка стала настаивать на личной встрече:

– Я больше так не могу, – волнуяще шептала она в трубку срывающимся на рыдания голосом. – Ты не присылаешь свое фото, ты отказываешься со мной встречаться, ты ограничиваешь меня в общении, ты даже не хочешь назвать свое истинное имя. Почему? Я ведь уверена за себя, я ведь люблю тебя. И люблю таким, какой бы ты ни был. Я люблю твой голос, он не может принадлежать человеку, который станет мне неприятен. Я люблю, люблю тебя. Люблю...

Ася сорвалась первой и (без ведома супруга) решила закончить весь этот, по ее выражению, балаган. Пальцы бесшумно скользили по клавиатуре, исполняя неведомый танец – то зависая в воздухе, то в неистовстве обрушиваясь на клавиши.

– Детка, добавь еще перчику, – раздалось рядом знакомое ворчание, и теплая ладонь супруга привычным жестом мягко легла на плечо. – Пресно получается, несколько наивно. Где полет фантазии? Где сказка для Золушки? Учю тебя, учю... Раз решила свернуть проект, давай уж повеселимся по полной программе. Надо согласиться на встречу, а потом все неожиданно обрубить!

Ася надула губы, став похожей на капризного ребенка, у которого отобрали любимую игрушку, и встала с кресла, уступая место супругу:

– Пиши в таком случае сам. И свидание сам назначай! Я

– пас.

Виталик плюхнулся на освобожденное место, одной рукой притянул к себе брыкающуюся Асю, а второй ловко забарабанил по клавиатуре. На мониторе побежали строчки:

«Детка, моя любимая Малышка Шелл, без твоих писем, без ночных звонков я просто не жилец на этом свете. Я уже давно – тень собственного “я”. Ты и только ты вдыхаешь в меня жизнь. Я – твой раб, и эта зависимость мне не в тягость. Без тебя я не мыслю себя. Я мечтаю увидеть свою Малышку Шелл, прикоснуться губами к своему божеству и вдохнуть терпкий аромат наслаждения. Ты совершенно права – настало время увидеться. Люблю, нежно целую. Твой раб CrookO`Dill».

Shello4ка усиленно вертела головой из стороны в сторону. Когда ее лицо попадало в поле зрения супругов, явно проглядывались дорожки от слез, а бессмысленный взгляд девушки просто леденил душу.

– А не перегнули мы палку? – жалостливо прошептал Виталий.

– Цыц! – Ася всегда была жестче супруга во всем, что касалось жалости. – Она молодая. Пострадает с недельку и успокоится. Пошли домой, и не забудь выбросить «симку», – добавила она, наблюдая за тем, как Шеллочка безуспешно пытается дозвониться по номеру, предусмотрительно отключенному с самого утра.

Еще неделю или даже больше от Малышки Шелл по-

ступали многочисленные письма на электронную почту CrookO`Dill(a), полные мольбы и отчаяния. Потом их поток резко прекратился. Ася с Виталием, всецело поглощенные новым объектом, давно забыли о Малышке Шелл, когда вдруг совершенно неожиданно от нее вновь пришло письмо.

Здравствуйте, CrookO`Dill. Пишет вам мама девушки, которую вы знали под ником Shello4ка. Настоящее имя моей дочери Анна. Она вас любила, я знаю. Только я одна была посвящена в ее тайну. Этим письмом я исполняю ее последнюю волю, как бы мне не было больно. А последняя воля – сообщить вам на 40-й день после ее похорон о том, что она вас ни в чем не винит, по-прежнему любит и прощает.

Р. S. Я вас ненавижу. Вы отняли у меня единственную дочь.

Письмо было без подписи.

Виталий уже битый час сидел перед монитором, впершись взглядом в послание, прочитанное раз сто. Пришла с работы Ася и, с порога почуяв неладное, присоединилась к супругу. Так, молчком, они просидели весь вечер, боясь посмотреть друг другу в глаза.

С этого молчаливого и печального вечера в их отношениях что-то надорвалось, сломалось. Отлаженный механизм дал сбой, и началось его медленное расщепление на мелкие составные частички. Охлаждение наступило и в постели, постепенно распространяясь на всю их совместную, некогда

счастливую жизнь. Супруги стали скрывать друг от друга личную переписку, поменяли пароли в электронных почтовых ящиках, о совместном проекте CrookO'Dill даже не было и речи. Со временем супруги настолько отделились друг от друга, что наступил момент, когда кто-то из пары должен был принять ответственное решение.

Именно в этот ответственный день Виталий, возвращаясь от приятеля, в метро на переходе с одной станции на другую чуть не сшиб с ног девушку. От неожиданности она выронила из рук пакет, Виталий наклонился, поднял его, протянул девушке и оцепенел от ужаса. Перед ним стояла живая и невредимая Малышка Шелл. Спутать ее с кем-либо другим было совершенно невозможно – он до мельчайших подробностей знал каждую черточку ее лица. Шеллочка в свое время завалила их своими фотографиями. К тому же была еще и та – реальная, несостоявшаяся встреча в баре.

– Мы знакомы? – удивленно спросила Шеллочка.

– Н-н-нет... – заикаясь промямлил Виталий.

– Тогда извините, – девушка обворожительно улыбнулась. – Я тороплюсь. Спасибо вам.

– Анька! Я тут! – прозвучало выстрелом за спиной Виталия.

Он от этого окрика весь скукожился и затравленно уставился на Шеллочку.

Та еще раз недоуменно взглянула на случайного прохожего, приветливо махнула невидимой подружке и, осторожно

обогнув застывшего Виталия, скрылась из его поля зрения. А у последнего не было даже сил обернуться и посмотреть ей вслед.

– Ася, а ведь зря мы с тобой тогда поленились и не заглянули в словарь, не проверили перевод ника Шелочки. Знаешь, как в переводе с английского звучит Shell?

– Вроде что-то со скорлупой или раковиной связано...

– Да. Но там есть еще и второе значение этого слова – гильза, снаряд. Вот и выпустила Малышка Шелл в нас всю обойму. И ведь правильно сделала...

18-й этаж

Часть I

Летнее солнце такое теплое, ласковое. Лежа на горячем песке, я разомлела и почти заснула, но все-таки слышала, когда ты тихонечко примостился рядом.

Нет, я не слышала, я это почувствовала.

Еще раз нет, не так вовсе.

Я тебя определила по запаху. Твой запах – особенный, я его ни с чьим другим не спутаю. Такой особенный, как и весь ты.

У тебя запах моря, ты всегда свеж, и бодр, и чисто выбрит. Ты не употребляешь «парфюм», как и я, чтобы не заглушать свой естественный аромат.

Твой запах... Твое воздушное пространство, в которое хочется бесцеремонно вторгнуться, грубо нарушая границы...

Ты почувствовал мое желание, я слышу учащенное бие-ние твоего сердца – как будто работает моторчик... Гул его все нарастает, нарастает...

Однако, какой противный рокот, неужели так может ра-ботать всего лишь одно человеческое сердечко?

– Боже! – ресницы вздрогнули, брови описали дуги.

Прямо надо мной, примерно в двухстах метрах, завис вер-

толет, я даже вижу улыбающиеся рожи пилотов. Один из них приветливо машет мне рукой.

Значит, это был всего лишь сон?

Тоже машу, небрежно поднимая руку в знак приветствия, а второй рукой подтягиваю на себя полотенце, дабы прикрыть наготу.

– Летите себе с миром, ребятки! – шепчу вслед вертолету. Хорошая у них работа, чего только не насмотрятся за день, патрулируя город.

Интересно, я одна такая умная, что додумалась загорать подобным образом? Хотя вряд ли обыкновенному гражданину доступна крыша. У меня ж есть некоторые преимущества перед всеми обыкновенными и есть ключи от чердака. И я частенько одна или с подружкой наведываюсь сюда, на 18-й этаж, прихватив все необходимое для комфортного отдыха. Даже подушку беру.

Если никто не пробовал загорать на крыше многоэтажки в центре города, сообщаю: потрясающе! Облака словно накрывают вас одеялом, они до такой степени близко, что в них хочется нырнуть с головой, как в тебя, в твое пространство... Ты рядом, знакомый запах, я снова чувствую тебя, а значит – сплю.

Часть II

Я люблю смотреть «глаза в глаза». В твои, и только в твои глаза. В них столько нежности, бархатной ласки, обволакивающей меня целиком, столько любви и неподдельного, искреннего обожания, столько света и тепла, что мне под прищуром твоего магнетического, завораживающего взгляда и умереть не страшно.

Так смотреть можешь только ты.

Я обожаю купаться в твоих озерах, окунаться в них с головой и подолгу не всплывать на поверхность. Это такое блаженство – купаться в тебе.

Твои глаза никогда не лгут. Они просто не умеют. Но наблюдать, как меняется их выражение от смешливого, с брызжащими искорками счастья до серьезно-надменно-важного, с отрешенностью от действительности, очень больно. В такой момент ты где-то далеко, ты не со мной. Не только глаза – сжатые плотно губы, заострившиеся скулы и нервно подергивающиеся ноздри просто вопят «Недоступен!».

Смешно... Почти как любимая поговорка операторов содовой связи. Смешно и страшно. К сожалению, это так. Ты же себя со стороны не видишь. А я давно научилась понимать твой взгляд и знаю, что такое напускное выражение только для посторонних. И когда ты так смотришь порой, я ощущаю себя за бортом твоей лодки, без спасательного кру-

га и навыков к плаванию.

С каждым днем лодка все дальше, а меня затягивает во-
дovorот фарватера. Я барахтаюсь из последних сил... Прот-
яни весло, вытащи меня из этой круговерти, посади рядом
и посмотри, как раньше, «глаза в глаза...»

– Эй, очухайся! Подруга, что ты там бубнишь? Молитву?
Или сон тебе приснился нехороший? Пора переворачивать-
ся на спину. А то сгорим. – Ленка так некстати разрушила
мои грезы. – Уже полчаса лежишь на животе, еще немного,
и дымок пойдет.

– Да, ты права, – я перевернулась и сразу закрыла глаза.
Пусть Ленка думает, что я опять заснула. А я еще немного
помечтаю.

Если не получается поехать на дачу, то мы обычно заго-
раем на крыше. Как сегодня. Такой жаркий день, грех было
не получить немножко солнечных лучиков. Чем не солярий
наша крыша? Вокруг ни души... Лежи себе в чем мама ро-
дила, никому дела нет. Если только какие-нибудь чудики с
биноклями не прознают про наши процедуры. М-да. Сбила
подруженька мои мысли. Сбила. А так хорошо грезилось...
Как наяву. Придется просто поспать.

– Только тихо, – прошипела прямо в ухо Ленка и больно
толкнула меня локтем в бок. – На нас кто-то смотрит.

– Сдурела, что ли? – я от неожиданности тоже стала ши-
петь. – Кто может на нас смотреть? Мы на крыше, чердак
закрыт, с соседнего дома нас не видно, ты в своем уме?

Ленка перевернулась на бок и стала косить глазами в сторону окошка машинного отделения лифтов. Я глянула и чуть не прыснула от смеха: в окошке торчала включенная голова нашего механика по лифтам. Хорошо, что он не видел выражения моих глаз за темными очками. Зато я его взгляд разглядела отлично.

Окно машинного отделения зарешечено и находится на уровне ног тех, кто на крыше, а в самом отделении оно где-то на высоте полутора метров от пола. Даже меньше. А механик наш метр восемьдесят пять. Бедненький! Стоит сейчас, согнувшись буквой «зю», смотрит на нас из-за решетки. Жалко дядю. Какие у него глаза! Сейчас выскочат из орбит. Он нервно облизывает губы. Интересно, ему сейчас хорошо или плохо?

– Давай не обращать на него внимания, – шепчу подруге, – сейчас заорем на него, спугнем, а это, говорят, вредно. Представляешь, как нас потом его жена по судам затаскает? И в купальники бы облачиться не мешало. Все, я сплю. Не мешай.

И мы начисто забыли про механика.

А механик не забыл. Он почти каждый день ходит на профилактические работы в наш дом. Лифты теперь работают четко и слаженно. А мы на крыше больше не загораем.

Но хоть какую-то пользу обществу принесли. Или жертву? Нет! Конечно, пользу.

Звонок

Телефонный звонок застал Ларису у входной двери.

– Черт! Определитель номера не видно с порога... Кто там еще? – женщина поскакала в комнату на одной, еще не обутой в сапог ноге.

Звонила подруга Рита, нудные и однообразные разговоры с которой длились обычно не менее двух часов.

– Плакала моя поездка на дачу, – вздохнула Лара и обреченно сняла трубку.

Рита, против обыкновенных причитаний про свою несчастную судьбу, сразу взяла с места в карьер:

– Дома сидишь? Все телек смотришь? Ах, на дачу собралась, к маменьке, к сестричке с племянницей. И что вы там будете делать? Рыдать друг другу в плечо или стоять буквой «зю» над грядками? Знаю я эти ваши дачи. В лучшем случае, тот же телек, в худшем – отключение электричества. Нечего киснуть, подруга, в деревне. Так ты никогда не выйдешь замуж. А если выйдешь, то только за соседа-огородника, похожего на свое пугало. Ну а если не выйдешь, то в старости и вспомнить нечего будет. Короче, Ларик – радикально меняем твою жизнь. Войдешь во вкус, а там и «принц» не за горами.

Лариса пыталась вставить хотя бы словечко в Риткин монолог, но подругу «понесло». А остановить говорящую Риту

еще никому не удавалось. Хотя пытались многие. Покорно сняв сапог и удобно устроившись в кресле у телефона, женщина приготовилась внимать рассказам подруги об открывающихся перспективах изменения своей серой и скучной жизни.

– Мы с девчонками (ну, ты их знаешь), – продолжила Рита, – нашли новый способ снятия стрессов. Конечно, он не совсем новый, его во всем мире используют. Но для меня он очень и очень даже стрессоснимающий.

– Какие стрессы, Рита? – умудрилась встрять Лариса. – У тебя бывают стрессы?

Собеседница только шумно вздохнула в ответ (женщина даже представила ее удивленную гримасу) и завопила:

– А очереди в поликлинике? А грубиянки-продавцы? А кассирша на нашей заправочной? Кстати, она вчера опять залила мне 95-й вместо 98-го. Чем не стресс? – И вдруг, понизив голос, подруга почти зашептала: – Так вот. Слушай внимательно. У нас уже такой замечательный коллективчик сложился, но не хватает всего одной девочки. Вот я и решила, что этой девочкой будешь ты.

Лариса сидела ошарашенная, а Ритка, заручившись молчанием подруги и истолковав его по-своему, заверещала дальше:

– Собираемся мы на квартире у Стасика. Либо в субботу, либо в воскресенье. У него только в выходные никого дома нет. Так что готовься, тебе через час уже выезжать. Ожида-

ется еще трое его друзей, все – потрясные ребятки, девочек ты знаешь, и мы с тобой. Четыре на четыре. Блеск! Сегодня будет чудный вечер: море любви и океан страсти!

– Что... все вместе? – с трудом выдавила из себя фразу Лариса.

– Эй! Не будь ханжой, подруга. Все стерильно. Стасик – доктор, и жена его чистюля. Квартирка всегда прибранная, вылизанная. Этой дуре невдомек, чем занимается муж в ее отсутствие. А ребята – его коллеги. Не тушуйся, смелее навстречу неизведанному. У него и хатка в удобном месте, у метро «Маяковская» – три минутки ходьбы, в тихом дворике. А хочешь, мы за тобой заедем? У Стасика иномарочка, не самая, конечно, крутая, зато новая. Чего молчишь?

– Я не молчу, я думаю, думаю, думаю, – нервной скороговоркой проговорила Лара.

Подруга не услышала, как изменился Ларисин тон. Или просто не придавала этому значения.

– Вот и правильно – думай, а я пока расскажу какие–нибудь подробности. – Рита откашлялась и энергично зачастила: – Интереснее всего мы проводим время в ванной. У Стасика дом сталинской постройки, квартира большая, а ванная – так просто огромнейшая. И вся в рыбках – у него кафель такой, со вставочками...

– Стоп! – резко и даже слишком грубо оборвала рассказ подруги Лариса. – Хозяина, говоришь, зовут Стас?

– Да, а что?

– Иномарка у него цвета «мокрый асфальт»?

– Да! А в чем дело-то? – почувствовала подвох Ритка.

– И живет на Маяковке? В двухподъездном доме?

– В первом подъезде...

– На четвертом этаже? Да?! Да?! Говори! Не молчи, мать твою!.. – Лариса сорвалась на крик.

– Без лифта, – обреченно поддакнула Рита.

– И ванная, говоришь, в рыбках?

– Ага, в рыбках... А одна рыбка отплавалась и отвалилась... – попыталась сострить подружка.

– Знаю, над зеркалом, справа, – охрипшим внезапно голосом подтвердила собеседница, резко бросила телефонную трубку на базу, машинально потянулась за сигаретой, нервно прикурила, тут же затушила сигарету, взяла трубку снова и, немного поколебавшись, решительно набрала знакомый номер мобильного телефона.

– Людка, я тебе, как сестра сестре советую срочно возвращаться в Москву. Саньку оставь с матерью на даче. Это срочно! Срочнее не бывает, дура рогатая. Будем держать военный совет в отношении твоего драгоценного супруга. Стасу ни в коем случае не звони. Запомни это! Слышишь? Сначала ко мне! Никаких Стасиков! И бегом, бегом...

Воля, Надежда и Вера

Воля

Сегодня мы решили не ходить в клуб, а заперлись втроем в тесной домашней парилке. Требовалось срочно посплетничать и принять важное решение.

Мы – это Вера, Надежда и Воля. Мы дружим давно, почти всю свою сознательную жизнь. С Надеей я познакомилась в детском саду, а Оля влилась в наш союз уже в школе, во втором классе. С тех самых пор наша троица неразлучна. Чего только не было в наших отдельно взятых жизнях: неразделенные и разделенные любви, свадьбы, разводы, рождение детей, семейные ссоры, скандалы на работе, но между нами никаких раздоров никогда не происходило. Между нами лишь мир, дружба и взаимопонимание.

Домашняя сауна есть только у меня, изредка мы заседаем в ней, но предпочитаем все же собираться в клубе, где и места побольше, и мешать некому, так как мы обычно по пятницам снимаем сауну только для себя любимых.

Первой пришла Надежда. Она у нас тихоня, потому мы с ней мирно попили кофе и поговорили о детях. А потом появилась Воля, и сразу стало шумно и весело. Кто-то может подумать, что такого имени в природе не существует. Увы,

мы с Надей видели Волькин паспорт, и не раз. Там черным по белому написано «Суворовская Воля Трудовна». Однако мы ее ласково зовем Олькой. Не виновата же наша подруга, что у нее не только дед с бабкой, но и родители оказались с «приветом». Я как-то спросила Олькиного отца (он – сторонник коммунистических идей, в свободное время разгуливает по Невскому, размахивая красными знаменами):

– Труд Иванович, зачем вы девочке такое чудное имя дали? Ведь ей с ним всю жизнь жить.

– Волечкино имя как раз самое нормальное, а вот твое – Вера, отдает церковным запашком. Так что послушай старшего товарища, сейчас поменять что имя, что отчество – нет проблем.

Можно подумать, что у коммунистов нет никакой веры. Одна голая правда. Спорить с упорствующим коммунистом – дело бесперспективное, да и бесполезное. Мы с Надькой плюнули и больше к Волькиному отцу не пристаем. А Воля сейчас как раз занимается вопросом смены имени, а заодно и отчества. Мы посовещались и решили, что «Суворовская Ольга Тимуровна» звучит значительно приятнее.

Сегодняшнее мероприятие не запланированное – у всех троих одновременно образовались романы. Это требовало срочного обсуждения. Мы все трое – свободные от обязательств перед противоположным полом женщины. Кто раньше, кто позже – все трое побывали замужем и благополучно развелись. Воля примерила узы брака трижды. Однако это

не оттолкнуло ее от дальнейшего поиска спутника жизни.

– Моя коммунистическая мамаша сосватала мне такого женишка – убиться веником три раза. Кстати, его Венечкой зовут. Ве-ни-а-мин... – смакуя и как бы пробуя на вкус, пропела Воля. – Он профессорский сынок. Мамашка его с моей маман в одной больнице работает. Его мать по женской части – гинеколог. А вот папа Венечки – светило ядерной физики. Венечка по стопам родителей не пошел, он – пианист. Видели бы вы его руки!..

Олька мечтательно закатила глаза к потолку и надолго замолчала.

– Эй, так дело не пойдет. Что там дальше? Ты нам про руки не заливай, рук мы не видели, можно подумать. Конкретнее, конкретнее. Кроме рук у мужчин много чего имеется, – мы с Надеждой жаждали подробностей.

– Ничего вы не понимаете, глупые. Его руки так меня заворожили, что я даже не стала больше психовать, – как ни в чем не бывало продолжила Ольга.

– Ты еще и психовала? С чего бы?

– Понимаете, девочки, Венечка назначил мне свидание в Кафедральном соборе у могилы Кутузова. Я, как дура, битый час там проторчала, изображая заинтересованность. Зато он потом так очаровательно оправдывался за опоздание. Гвоздики подарил. Три штуки. Синие. Очень красивые. Правда, они быстро завяли.

– Если подаренные цветы быстро вянут, значит – подаре-

ны не от души. Гвоздики! Целых три! Да еще синие! Ужас! Скрыга! – скептически вставила Надежда.

– Это стиль жизни. Его самого и его профессорского клана. Видели бы вы их квартиру!

– А! Ты и дома у него побывала?! – теперь уже и я не удержалась от реплики.

Воля кивнула в знак согласия и загадочно улыбнулась.

– Мы ведь долго гуляли, а потом дождик пошел. Венечка предложил переждать дождь дома. А мы как раз были неподалеку от их квартиры. Родители Венечки сейчас в Америке у родственников, тоже профессоров. Веня разрешения испросил у родичей, и мы пошли к ним. Мамаша потом просто заколебала СМС-ками и звонками. Как с дитем носится. «Венечка, кофе в зернах на верхней полке в правом шкафчике! Венечка, зря ты Волечке про бывшую девушку рассказывал, как же глупо ты поступил, надо говорить то, надо говорить это, не говорить так, говорить и делать сям. Венечка, смотрите ничего не разбейте, не разлейте, не запачкайте, не, не, не...» – Оля покривлялась, изображая мать Венечки.

Я, да и Надежда тоже, с изумлением взирали на подругу. Такого кавалера у нее еще ни разу не было. Деградирует наша Оля, деградирует.

– Ой, девочки, вы не представляете себе, какая у них квартира... – вздохнула Воля и, словно прочитав наши мысли, продолжила: – Да. Увы. Более «убитого» жилища я не встречала. Венечка оправдывался, что у них ремонт, а рулоны

обоев, линолеума и еще чего-то строительного, сваленные кучами по всей квартире, покрыты вековой пылью. Да и ремонт там был по крайней мере лет пятьдесят назад. Хорошо хоть, в его комнате относительный порядок. Представьте себе меня в подобном бардаке – обхохочетесь. А Венечка мне четыре часа кряду о Шуберте говорил и даже поставил диск его, как фон, когда дело до постели дошло.

Я заметила, что не все потеряно, раз дело до постели все-таки дошло.

– Конечно, не все потеряно. Маменька его ведь не знает, что Венечка в постели вытворяет. А он такую «технику языка» показал, какой я отродясь не видывала. Только за одно это я с ним встречаться буду. О! Он весьма и весьма изыскан в сексе. Но рафинирован, как и все «ботаники». Представьте, вчера, на втором свидании, мы смотрели психологический фильм и слушали Моцарта, а сегодня ходили в Капеллу. Вот. Что скажете, подруги?

– Безе, – сделала вывод Надежда, приклеив к Венечке подходящий ярлычок. – Но коль он тебя удовлетворяет, встречайся пока. И все же замуж за него выходить не рекомендую.

Я согласилась с подругой. Мы сделали небольшой перерывчик, потому что сидеть в малюсенькой парилке втроем уже стало невозможно, переместились на кухню и приготовились слушать рассказ Надежды.

Надежда

– А у меня все так зыбко и нереально, что даже не знаю, стоит ли рассказывать... – скромно начала свое повествование Надька.

– Стоит, стоит! – дружно заорали мы с Волей и скрестили свои бокалы на манер мушкетеров. – Один за всех! И все за одного! Продолжай!

Но Надька стала брыкаться, отговариваясь, что виртуальный роман – это вовсе не роман, а просто так. При этом она то и дело покрывалась бурыми пятнами, отводила в сторону глаза и томно вздыхала. Однако мы девушки настырные, своего добьемся вопреки всему, и Надежда это знает. Пришлось ей выложить все начистоту.

– Я не могу не говорить с ним. Он называет меня «своей дефочкой». Столько ласковых имен мне придумал, сколько я за всю свою жизнь не слышала. Вчера пишет: «Солнышко, ты для меня словно лучик света...» А позавчера...

– Так дело не пойдет, – прервала подругу Воля. – Начни с начала. Где ты с ним и как познакомилась? Надеюсь, не на сайте знакомств?

Надежда густо покраснела. Стало понятно, что именно там. А ведь совсем недавно с пеной у рта нам же доказывала, что подобные сайты предназначены только для малолеток. На наше и свое счастье знакомый появился на приличном

портале, где мы все втроем изредка бываем. Серьезный сайт внушал доверие, потому и предполагаемый кавалер Надежды заранее стал нам приятен.

– Его зовут Стас. Он мой ровесник.

– Если не врет! – встряла опять Воля.

Мы на нее зашикали. Но наша подружка все равно высказалась:

– А что? Все врут. У меня в Интернете несколько ников. Под одним мне семнадцать лет, эдакая романтическая особа, под вторым – двадцать семь, тут я малость со сдвигом в сторону нестандартных увлечений, под третьим – на десяток больше, мужененавистница, и только четвертый – отражает мой истинный возраст и, конечно же, мой истинный характер. Так что ты, подружка, не очень-то доверяй виртуальным поклонникам.

– Знаешь, Олька, а мне все равно. Мне со Стасом так хорошо, как не было уже много-много лет. Мы говорим обо всем на свете, понимаем друг друга с полуслова. Я ему выложила про себя всё-всё-всё. И про вас написала.

– Короче, сдала всех. А он?

– Он? Что он?

– Что он выложил? Про себя выложил? Или кладка только односторонняя?

– Он тоже всё честно написал.

Мы с Волей скептически посмотрели друг на друга. А Надька не на шутку разволновалась, почти закричала:

– Я ему верю! Верю. Это вы фомы не верящие, а я так не могу. Людям нужно доверять.

Минут десять Надьку пришлось успокаивать. Помогла лишь большая рюмка водки, которую мы почти насильно в нее влили. Подруга уgomонилась. Мы снова пошли в парилку и там выслушали рассказ уже до конца.

– Вы не представляете себе, как приятно проводить со Стасом вечера. Я иногда даже забываю, что мы далеко друг от друга. Кажется, протяни руку – и вот он рядом. Одно плохо, я до сих пор не знаю, как он выглядит. Свою фотографию он присылать отказывается. Пока отказывается. Знаю только, что рост его сто восемьдесят шесть, вес восемьдесят пять. И голубые глаза.

– Ничего вроде – стройняшка. А твою фотку он видел? Ты ему послала?

– Послала, – Надька опять засмушалась. – Только я не свою отправила... Верину. Ну, ту, что в шляпе.

– Мою?! В шляпе!? – я от смеха чуть не подавилась. Воля стала гоготать так, что пар вокруг нас сгустился. – Так твой Стас переписывается со мной? То-то я по ночам плохо сплю, ворочаюсь, ворочаюсь... икать стала часто... А это, оказывается, твой Стас шлет мне любовные импульсы. Ну, ты, подруга, и выдала фокус! И как же потом с ним встречаться будешь, если дело до реальной встречи дойдет? Меня заставишь идти на свидание?

– Я как-то не подумала про это. А встречу он действитель-

но предлагает. Написал, что хочет приехать ко мне. На следующей неделе.

Мы с Волей едва чувств не лишились от Надькиного рассказа.

– Никаких встреч с «котом в мешке», – теперь уже Воля приклеила ярлычок Стасу. – Мы категорически против. Пока не придет свое фото, даже не вздумай соглашаться на встречу. А там посмотрим. Что-нибудь придумаем. В крайнем случае, на свидание действительно ходит Верка, чтоб тебе не грохаться в обморок, если «кот» окажется «двортерьером». Мало тебе, Надюш, было расстройств в жизни?.. Всё! Решено. Так и сделаем. А пока пошли чайку попьем и послушаем нашу красавицу.

Вера

-Честно признаюсь, таких любовников у меня еще никогда не было, – приступила и я к своей части откровений. – Познакомились мы просто на улице в прошлый вторник. Вы же знаете, я после развода стала фанаткой бесцельных хождений «куда глаза глядят». А он обратился с банальным вопросом «Который час?». Мне так скучно было, и вообще дурное настроение какое-то. На работе нервотрепка весь день, дочь разозлила, да еще бывший муж позвонил с глупым вопросом... Все-таки я его до сих пор люблю, хоть и понимаю, что мы друг для друга безвозвратно потеряны. И так мне было печально, так скверно на душе – хоть волком вой. А этот Жора...

– Жора?! – в ужасе в один голос выпалили подруги.

– Да, Жора. Вообще-то ему это имечко как корове седло. Он такой красивый мужчина, статный, крепкий, фигура просто бесподобная для его возраста (немного за сорок), и вдруг такое дурацкое имя. Совсем ему не подходит.

– Холостой? – поинтересовалась Надежда.

– Да нет, женат, трое детей. Все уже взрослые, естественно. Жора прибалтийских кровей с примесью еще чего– то славянского. Блондин. Именно цвет волос и сыграл роль в том, что я благосклонно приняла Жорино предложение вместе погулять вдоль канала, где мы обычно любим с вами по-

сидеть в ресторанчиках. А на следующий день мы поехали на озеро. У Жоры свой микроавтобус, кстати, очень прилично упакован – все необходимое под рукой. Сначала я до одурения накупалась в озере, потом мы долго играли в волейбол, а потом еще дольше предавались любви на надувном матрасе под пение птичек.

– Прошу уточнить: еще дольше – это сколько в часах и минутах? – Ох уж эта Воля.

– Ну, я не считала... но примерно часов пять, может, и гораздо больше, – подруга только глаза закатила к потолку.

– Сказочно!.. – мечтательно произнесла наша романтическая Надежда.

– В принципе, все действительно было сказочно, даже секс. Но, возможно, меня переклинило из-за длительного воздержания, и я воспринимала мужчину как Бога. Розовые очки я сняла только вчера.

– Подожди, но сегодня же воскресенье. Значит, ты в очках ходила целых четыре дня? – Воля у нас хорошо умеет считать, она с арифметикой в школе дружила лучше всех.

– Да, целых четыре дня любви. Но это явный перебор. Жора просто торпеда. Откуда ему знать, что со мной надо обращаться очень осторожно? Чрезмерное потребление приводит к пресыщению. А я на четвертый день наших встреч, то есть вчера, еле живая домой приползла. Как вошла в квартиру, так и рухнула прямо у порога. И целый час лежала, в себя приходила. Хорошо, что дочка у подруги ночевала, не

видела свою мамашу в таком состоянии.

– А что, что было-то в эти два дня?

– На третий день мы пошли в бильярдную, и я впервые в жизни держала в руках кий. Поиграли, теперь имею представление об этой игре. Затем Жора потащил меня в тир стрелять из винтовки. Ну, это я умею, оторвалась по полной программе. Зайца какого-то даже заработала. А потом мы поехали в специальный тир, где из боевого оружия стреляют. Жора же телохранителем работает, и в этом тире он тренируется регулярно. Вот это ощущение, так ощущение, скажу вам, девочки. Но я что-то там выбила. Ха-ха! Утерла Жоре нос. Он думал, что я кисейная барышня, от вида пистолета в обморок грохнусь. Короче, этот день был очень насыщенным в плане нового и неизведанного, а следующий я снова познавала старое доброе любовное ремесло. Мы с Жорой поехали в шикарный загородный мотель и там полдня предавались безумному сексу, после которого меня и обуяла ползучесть. Вот и всё.

– Как всё? – удивились подруги.

А потом Воля добавила:

– Этот Жора напомнил мне «пирог с капустой». Чем не ярлычок?

– А так. Всё! «Пирог с капустой» с утра уже у моего парадного маячил, звонил сто пятьдесят раз, двести СМС-ок прислал, но я больше не могу его видеть. Жора утверждает, что я в него влюблюсь. Ну уж – дудки. Я не сумасшедшая и

не собираюсь помирать в постели. А если с Жорой и дальше встречаться, то точно – в один прекрасный момент... А еще лучше сказать по-другому – один прекрасный оргазм может запросто привести в мир... усопших. Оргазмы оргазмами (он по ним непревзойденный мастер, надо отдать должное), но я еще хочу пожить на этом свете, хочу вот так посидеть с вами, с моими любимыми подружками.

– М-да... Надо что-то придумать. Жору отшивать насовсем не стоит. Здоровье будешь иногда поправлять, на природу выезжать со всеми удобствами, стрелять, в конце концов, – засмеялась Волька.

– Так я уже сказала ему, что ко мне подружка приезжает из другого города со всей семьей. На месяц. Он так по– детски расстроился, – вспомнила я и расхохоталась. – Да ладно, не будем больше о Жоре. Он нас сегодня не достанет звонками, «пирожок» далеко – уехал за своей семьей куда– то в Тьму-Таракань, где мобильник не работает.

– Вот и хорошо, – подвела итоги наших посиделок Воля. – Давайте, девочки, выпьем за нашу дружбу. Лучше женской дружбы все равно ничего нет. А мужчины... Они были, есть и будут... На наш век хватит!

Воля

В пятницу мы с Волей и ее музыкальным Венечкой собрались за город. Основной целью, естественно, были смотрины потенциального жениха. Я со своей стороны обязалась рассказать всю правду и только правду, которая мне откроется. И она начала открываться сразу же, как только подъехала Волькина машина. Мы решили, что поедем на одной, сэкономим на бензине. Что-то цены на «жрачку» для наших автомобилей начали расти невероятно быстро.

На переднем пассажирском сидении восседал очень упитанный, лоснящийся на пухленьких розовых щечках и прилично заметной лысине, почти брюнет неопределенного возраста, в светлой трикотажной рубашке. Знаете, бывают такие индивидуумы: детская непосредственность в сочетании с возрастными морщинками или сединокками не дают возможности определить правильное количество лет. Так и Венечка – напомнил мне одного нелюбимого одноклассника, с которым я постоянно враждовала, злясь на его дурацкие улыбки и все время широко открытые глаза. Венечка повернулся в мою сторону, когда Воля крикнула «Привет!», и улыбка начала сползать с его лица.

Что это с ним? Я остановилась, в недоумении переводя взгляд с Вени на Волю и обратно. Мы вроде не знакомы... Может, у меня что-то не так с гардеробчиком?

Я оглядела себя: брюки на мне, нигде ничего не торчит, каблуки не сломаны, в зеркало перед выходом смотрелась, помню отлично, что и с прической все в порядке. А Венин взгляд между тем стал другим: ужас сменился испугом. В чем же причина?

– Верунчик, заползай, золотко. Ты сегодня на заднем сиденье. Не возражаешь?

Я кивнула в знак согласия. Вроде Волька не заметила реакции своего дружка на мою персону. Вот и хорошо. А там все выяснится.

Воля стала нас знакомить. Вениамин отводил глаза, стеснительно краснел, мычал что-то несуразное. Спектакль затягивался. Со слов Вольки я знала, что Венечка говорлив, а тут вдруг впал в словесную кому. Всю дорогу до Петродворца подруга трещала без остановки, пытаюсь растормошить Веню. Но выйдя из машины, Вениамин тут же обрел дар речи, периодически искоса посматривая на меня, чтобы не заметила Волька.

«И что пялишься? Да не в моем вкусе ты, мальчик! Вот уж точно – “безе”! И Вольку буду отговаривать. Тоже мне – счастье! Тебе в первую очередь на тренажер надо, ума-разума набраться, мамочку перестать слушаться, а уж потом за красивыми женщинами ухаживать», – вела я мысленный диалог с Венечкой.

А потом вдруг «ботаника» прорвало: он сыпал афоризмами, анекдотами, короткими историями. Вениамин оказал-

ся эрудированным, но как-то однобоко, все его шутки были с одним уклоном – эротическим. Мы с подругой пытались вставить хотя бы слово, но «безе», прикладывая указательный палец к губам, говорил «Тс-с...» и продолжал выливать на нас кучу бесполезной информации.

К концу поездки я готова была рвать и метать, Венечка достал не только меня. Подруга тоже выразила недовольство, причем не совсем приятным для Венечки способом:

– Вот и приехали, – сообщила она другу около моего дома. – Ты, Венечка, поезжай к себе, а я обещала Верунчику кое в чем помочь.

Я и глазом не повела на такое интересное заявление, ни один мускул на моем лице не дрогнул, хотя смех душил и вот-вот грозился вырваться наружу.

Венечка с недовольной миной, смешно оттопыривая нижнюю губу, выгрузился из автомобиля и топнул правой ногой. Из-за этого он стал похож на ребенка. Мы с Волькой давились от смеха, но старательно сдерживались.

Нет, все-таки воспитание маменьки заслуживает похвалы – Венечка на прощанье приложился сначала к ручке Вольки, потом к моей. И чуть ли не реверанс сделал в духе средневековых испанских парней.

– Дура ты, Ольк, – только и сказала я подруге, когда Венямин исчез из поля нашего зрения.

Подруга поняла с полуслова, и мы пошли в бар, что по соседству с моим домом. Несостоявшийся брак нужно было

ОТМЕТИТЬ.

Надежда

Асегодня позвонила Надька и стала рыдать в трубку:

– Стас настаивает на встрече. Ну, не могу же я пойти, он ждет тебя, он только твое фото видел... Балда я. Зачем врал?

Мы собрали экстренный совет. Оказалось, что свидание уже назначено. На сегодняшний вечер. Отменить его не представлялось возможным, так как Стас на связь в Интернете больше не выходил, а других координат у виртуального возлюбленного Надежда не удосужилась взять.

– Но я не могу сегодня, никак не могу, – пыталась втолковать я Надежде. – У меня экзамен. Если не сдам, мне не дадут квалификационный аттестат. Ты же прекрасно знаешь, как в нашей фирме относятся к этим курсам повышения профпригодности, будь они не ладны. Пусть Волечка сходит. И все ему разъяснит. А ты на лавочке у кафе посидишь. А как Стасик твой все узнает, тут тебе Воля и позвонит. И примчишься ты к своему ненаглядному «коту в мешке», и станете вы жить-поживать да детей...

– Спасибо, детьми сыта по горло. Значит, точно не можешь сходить? – прервала меня Надежда, я отрицательно покачала головой. – Воля Трудовна, тогда придется идти тебе. Веруня правильный план предложила. Я на лавке посижу или в кустах залягу неподалеку. Хорошо, что Верка на-

помнила про «кота в мешке», я тут долго думала и пришла к такому выводу: сначала его должна увидеть я или вы, а уж потом он меня. Тебе, Воля, поручается ответственная миссия: разглядеть, оценить, составить мнение, желательно объективное.

А Вольку и не надо было уговаривать, она на такие авантюры страсть как охоча. Вечером подруги отправились по указанному Стасом адресу. Кафе, где была назначена встреча, находилось практически в двух шагах от моего дома, поэтому я оставила ключи от квартиры, чтобы девчонкам не пришлось торчать на улице в ожидании кавалера, а сама поспешила на экзамен, наказав им вернуться после свидания назад ко мне и ждать до упора, пока не приду.

Всю дорогу до дома, отправив девочкам сообщение об успешной сдаче экзамена, я получала странные или даже загадочные СМС-ки то от одной подруги, то от другой. «Пьяные они, что ли? Или обкурились? – размышляла я. – Приеду, а там разгул в разгаре...»

Дверь почему-то открыл Жора, я даже не успела удивиться.

Вера

– Привет, любовь моя! – проворковал Жора. – Не ожидала? А я уже познакомился с твоими подругами. Только не понял, которая к тебе в гости приехала из другого города? Они обе пьяные в дупелину. Ничего не могу разобрать из их бессвязных речей. И где семья у приехавшей? Ты ж говорила, что...

– Жора, тихо, тихо! – у меня голова кругом пошла. – Во-первых, я тебя к себе домой не приглашала, это не совсем удачный розыгрыш с твоей стороны. Во-вторых, мне с девочками нужно срочно переговорить. Без посторонних.

Жора, как совсем недавно Венечка, оттопырил нижнюю губу. Обиделся, он же посторонним в моей жизни себя уже не считает.

«Еще один ребеночек на мою больную голову...» – а что прикажете делать? Резкость не в моем характере, но сегодня Жора мне абсолютно не нужен – следовало заняться пьяными подругами, если верить его словам.

– В третьих, – закончила я, – моя иногородняя подруга еще не приехала, она завтра приезжает. Жора, тебе следует уйти. Извини.

Мой герой резко поменялся в лице. Глаза из влажно-сочно-дурманящих превратились в злобно-циничные. Метафоры происходили и в поведении:

– Ну-ну, гонишь?.. Возомнила себя старуха царицей! Только я тебе не рыбка золотая, на посылках бегать не собираюсь. Спихватишься, звать начнешь – не вернусь. А вот помнить меня будешь долго, мучительно долго. И жалеть тоже, да поздно будет.

Он хлопнул дверью даже не попрощавшись, а я осталась стоять с открытым ртом.

На шум из кухни появилась Воля:

– О! Верунчик пришла. А где наш кавалер? – подруга еле стояла на ногах, опираясь о стену, язык у нее заплетался. – Где, как его?.. Уже не помню... Тут мужчина был, я знаю. Шикарный такой мужчина. Лысый. Где он? Ты его спрятала? Не имеешь права!

– Боже, что же такого произошло за несколько часов? Воля, ответь! – я трясла подругу за плечи, но она, весело ухмыляясь, пыталась петь песни.

– Мам, оставь свои бесполезные попытки. – Дверь дочериней комнаты приоткрылась наполовину, и дочь позвала меня: – Иди сюда, я тебе все разъясню. Разгул при мне начался, они еще трезвые были, когда пришли, и не знали, что я вернулась. Обе так орали, что я решила не выходить и дожидаться тебя.

– Бедная моя девочка, извини и меня, и моих подруг. Ради всего святого, не обижайся на них. Ты же знаешь, что такого никогда не случилось.

Дочка посмотрела на меня снисходительно и даже покро-

вительственно.

– Да нет проблем. Гуляйте. А теперь расскажу, что поняла из их криков. Кто такой Венечка тебе известно? – Я подтвердила. – А вот про Стаса я не совсем поняла. Они то котом его обзывали, то по имени. Ты бы слышала, какими эпитетами они Венечку крыли!

– А при чем здесь Венечка? Ты, наверно, что-то не так поняла. Воля ходила на встречу со Стасом, потенциальным другом Надежды, а он думал, что приду я.

– Мать, ты не бредишь? – дочь смотрела на меня со смехом. – Да. Крыша едет не только у твоих подруг. Ты сама хоть поняла, что только что сказала? Какой бред?

Пришлось разъяснить дочери обстановку, сложившуюся на тот момент, когда я оставила подруг в своей квартире.

– А, вот теперь я все окончательно поняла, – дочь расхохоталась и долго не могла остановиться. – Мам, ты не поверишь. Нет, правда, такое только в кино случается. Это же Голливуд! Санта-Барбара отдыхает! Да по вашей истории комедию снимать можно. А теперь слушай меня внимательно.

Дочь сделала паузу, а потом торжественно произнесла:

– В кафе Воля Трудовна встретила с Веней.

Дочь смотрела на меня, ожидая реакции, а я только плечами пожала в знак непонимания, что такого особенного в том, что подруга встретила в кафе «безе».

– Ты не поняла? Не въехала еще?

– Веня помешал встрече Воли со Стасом? Так?

Дочь опять захохотала и покачала головой сначала отрицательно, потом утвердительно, затем снова отрицательно.

– А что тогда? Почему они напились?

– Ма-ма! Стас и есть ваш Веня! Два в одном флаконе. Воля бы не вычислила это, если бы зарезервированный столик не был бы номерным. Она вошла, узнала, где нужный столик, и прямиком туда, а за столиком Венечка сидит, с цветами... Тебя дожидается.

– Нифигасе... – я от неожиданности перешла на инетовский сленг. – Веня и Стас... О боже! Бедная Надька... Вот тебе и «крем взбитый», запеченный в духовке при определенной температуре... Он мне сразу не понравился.

Дочь веселилась, пока я слонялась по комнате и причитала.

– Так значит, он знал заранее, кто именно придет?.. – я все ходила по комнате, заламывала руки и рассуждала под улюлюканья дочери. – Про Надьку мы ему ничего не говорили. И ее он никогда не видел. Теперь все понятно, все встало на свои места. А я еще мучилась над вопросом, что во мне не так. То-то его перекривило, когда мы в Петродворец с Волькой и с ним поехали... Что ж, загул оправдан. Пойду к девочкам.

– Мам, постой минутку. А кто такой Жора?

Дочь смотрела исподлобья, я запаниковала и начала лихорадочно подыскивать приемлемый ответ. Ребенок, мой взрослый и все понимающий ребенок, словно услышав мыс-

ли матери, успокоил меня.

— Я его не успела разглядеть, только слышала, что он пришел. — А потом она лукаво добавила: — И слышала, как ты его послала.

— Значит, ты сделала правильные выводы. Жора — никто, и зовут его никак. Не переживай понапрасну за свою мать. Всё! Отдыхай, а я сейчас быстренько ситуацию на кухне разрую.

Наше «быстренько» затянулось до утра. А утром, попавшись, выпив по две порции крепкого кофе, свежие и румяные, мы отправились в Эрмитаж — уж там-то точно только достойные, утонченные личности встречаются, всякие проходимцы не ходят по картинным галереям.

Короче, такое это хлопотное дело — поиск спутника жизни...

В погоне за здоровым духом

Вчера решила устроить себе День Здоровья. Как говорится: в здоровом теле – здоровый дух. Сначала подружка потащила меня в бассейн, у нее абонемент на плавание, а после – сауна. Плавать я не стала – горло болит, а вот в сауну пошла с превеликим удовольствием. Пока Нинка отрабатывала свои положенные сорок пять водных минут, я позагорала в солярии и, совершенно разомлевшая, направилась к тренеру на бортике бассейна.

– Что-то вы рановато, – сказал тренер, ехидно улыбаясь и проверяя пропуск в сауну. – Там еще с предыдущего сеанса кто-то есть. Ну да идите – десять минут мне лично погоды не сделают, а вот вам, возможно, могут пригодиться.

Тренер громко загоготал на весь бассейн. Я, совершенно ошарашенная, вошла в помещение сауны, размышляя над странной фразой тренера, побросала вещи в комнате отдыха, нацепила свою любимую банную шапку с бомбоном, обмоталась простыней, помня, что в парилке еще кто-то есть, и двинула в парную. Путь лежал через душевые. И тут меня ждал сюрприз в виде обнаженного мужчины с намыленной головой.

– Привет, – добродушно приветствовала меня «намыленная голова», неуклюже развернувшись всем корпусом, словно избушка на курьих ножках, и выставив на обозрение до-

стоинства.

Я, чертыхаясь и проклиная подругу, буркнула что-то невразумительное и пронеслась мимо мужчины в парилку. Уф! Да что же это такое? Вечно влипаю во всякие неприятности, а с Нинулей – тем более. Ведь знала наверняка про нудиста этого, но ни словом не обмолвилась. И ведь уже не первый раз так подводит меня – были аналогичные ситуации.

На Олимпиаду рядом с моим домом построили спорткомплекс, или мой дом построили рядом с ним – не помню, что появилось первым, кто был курицей, кто яйцом – теперь уже не важно. Важно, что в спорткомплексе, кроме бассейна и спортивных залов, имелись еще и сауны. Но попасть в них в те времена было большой проблемой. Это сейчас: купил билет, и вперед – парься, купайся, загорай – были бы деньги.

А тогда: чаще всего время посещений приобреталось через организации, как правило, крупные, в которых здоровью трудящихся уделялось огромное внимание. Это был первый вариант. Второй вариант – посещение различных секций, а третий – банальный «блат». Совместив первый и третий варианты, я пристроилась ходить в сауну с моряками – одно морское ведомство вкладывало немало денег в здоровье сотрудников. Так началась моя кочевая жизнь из одной банной компании в другую. С моряками было весело, но они любили «погудеть», благо, предлогов было предостаточно: то праздники, то поминки, то дни рождения. А народу ходило много – человек тридцать. По причине шумных гулянок в сауне

морячков вскорости турнули из бассейна. Я перекочевала к девочкам, которые занимались аэробикой – эту группу посещала моя драгоценная подруга Нина. Я же аэробику не люблю, потому подрядилась ходить только в сауну. Но женский коллектив – это сплошные интриги. Меня просто методично выжили за то, что резала правду-матку в глаза. Неугоми-мая Нинка сосватала меня к знакомым, которые посещали сауну смешанным женско-мужским коллективом. В первый же день я чуть не свалилась в парилке с полки – подруженьки знакомые оказались нудистами. Хорошие ребята, веселые, ничуть не хуже морячков, но все как один голые. А мне непривычно.

Нудисты долго передавали через Нинку приветы и звали в свою компанию – я же не смогла пересилить себя. В бассейн ходить перестала и от всевозможных предложений подруги отказывалась наотрез.

Русская баня ничуть не хуже сауны – я пристрастилась к русской и начала по выходным посещать обыкновенные городские бани, что находятся неподалеку от дома.

Вообще-то баню и все ее разновидности я обожаю с детства – любовь эту привили мне родители, тоже страстные поклонники пара. У нас на Севере, где я провела детство и юность, баня была знатная – все знакомые родителей стояли в очередь, чтобы попасть туда хотя бы раз в месяц. Отец строил баню сам, еще помогали друзья, вложив в строительство и обустройство сего заведения свои необычайные и раз-

носторонние таланты и мастерство. В субботу с утрачка баню готовили по всем законам банной науки, и к обеду первыми туда отправлялись женщины и дети. А уж после нас мужчины парились почти до утра, решая не только бытовые, но и свои производственные вопросы. Так сказать, не отходя далеко от веника. В бане был своего рода клуб с правилами и Уставом, штрафами и поощрениями. И даже стенгазета выпускалась. Мне, как начинающему поэту, вечно доставалась роль писаки, и я всегда старалась «не ударить в грязь лицом», приправляя вирши еще и откровенными фотографиями членов клуба. Ну а так как с чувством юмора у всех было все в порядке – мои фантазии встречались с одобрением.

Когда я оканчивала школу, к нам в баню зачастила завуч, она же учительница истории Тамара Алексеевна. Моя закадычная подружка Наташа, которую я всегда брала с собой попариться, первой смекнула, какую пользу можно извлечь из голого соседства с учительницей. Историю мы обе в тот момент не очень жаловали – Тамара Алексеевна преподавала ее просто никак, так как заочно училась в пединституте, все читала нам по конспектам.

– Ирик, как ты думаешь, мы Тамару можем разжалобить? Мне так не хочется учить билеты.

– Хорошо было бы... Я сама с трудом запоминаю исторические даты. Надо будет в субботу разведку провести.

Сказано – сделано. В субботу мы с Натальей были обво-

рожительными и отзывчивыми, как никогда. Тамара Алексеевна не знала, куда себя деть от нашего подобострастия и лести. Мы наперебой хвалили «любимейший» предмет – историю, восторгались методами преподавания и талантом сидящей рядом с нами в махровом полотенце полуголой преподавательницы. Она лишь глазами хлопала да охала от чрезмерного усердия учениц, в четыре руки хлеставших ее в парилке березовыми вениками. Мама, все видевшая и слышавшая, только посмеивалась, но делать свое дело нам с Натальей не мешала. В конце концов Тамару Алексеевну мы «добили»:

– Знаете, девочки, – разоткровенничалась учительница в комнате отдыха, – через четыре дня у вас экзамен по истории, а я не все билеты сделала. У меня бумага кончилась. Там их должно быть тридцать шесть, а я сделала только тридцать. Вы уж, пожалуйста, помогите мне – найдите плотную бумагу, ватман можно, нарежьте шесть прямоугольничков размером примерно десять на пять сантиметров и надпишите их № 31, 32, 33, 34, 35, 36. Принесете мне их перед экзаменом. Это самые сложные билеты. Можете их не учить.

Мы с Натальей дружно закивали головами. Дурочек наша – учить тридцать билетов! Конечно же, и я, и Наталья подготовили лишь ответы на билеты с 31 по 36 номера.

В день экзамена мы пришли первыми, первыми же зашли в класс и положили заготовленные нами прямоугольники к остальным тридцати, которые оказались в два раза больше размером – глазомер Тамары Алексеевны оказался нам на

руку.

– Быстро тяните билеты! И марш – за парту, пока не пришла директор школы, – одними губами процедила наша приятельница по парной.

Я схватила билет № 32, Наталья – № 35. У Тамары Алексеевны вытянулось лицо. Но было уже поздно – в класс вошли председатель экзаменационной комиссии и директор школы.

Естественно, что историю мы с подругой сдали на отлично. С тех пор баню я люблю еще больше.

– Не возражаете, если я посижу рядышком? – это в парилку заглянул бывший «намыленный».

Я кивнула, приподняла бомбон в знак приветствия, повернулась к мужчине и почти без смущения стала в упор разглядывать его с ног до головы. А ничего мужчинка – ладный, всё вроде при нем. Можно даже сказать – очень интересный мужчина. Теперь понятно, почему Нинка так любит сауну. Потом подвинулась, пропуская «Адама» на верхнюю полку – пусть сидит, места много. Может, и мне скинуть простыню? А что? Идея! Будем с «Адамом» на равных. Представлю, что попала в райские бани. Надо же когда-то учиться приспосабливаться к любым ситуациям. Вдруг понадобится? Да и не страшно вовсе в парилке рядом с незнакомым голым мужчиной, тем более что из душевой слышны знакомые Нинкины интонации и еще один... мужской голос?!

Новая курточка

«Очень симпатичная курточка. И никто ведь не заподозрит, что я ее на распродаже купила, буквально за гроши. Двести пятьдесят рублей! Да разве это деньги на сегодняшний день?! Вот именно – не деньги. Продавщица сказала, что первоначально сия прелесть полторы тысячи стоила. Повезло несказанно. И как это ноги меня именно в тот магазин понесли? И в этот день... Торкнуло, как говорится. В дом отдыха поеду обязательно в этой курточке. Надо только сапожки докупить к ней – там же, на распродаже, видела, да денег не хватило. Жаль. После аванса забегу в магазин. Еще бы и сумку в тон, было бы неплохо...»

– Горохова! Э-э-эй, Тань! Не слышишь? Проснись! – перед глазами защелкали изящные пальчики с идеальным маникюром, унизанные колечками немыслимой простоты и красоты одновременно, что говорило о безупречности вкуса их владелицы. – Дай, говорю, свою новую куртку напрокат.

– Что? – Татьяна с трудом оторвалась от своих мыслей и в недоумении уставилась на коллегу.

– Понимаешь, мне в обед нужно в райсобес смотаться.

– Ну и съезди. Тебе на личном автомобиле до райсобеса всего пять минут езды. Только не пойму – при чем моя куртка?

– Как при чем? Не могу же я в норковой шубе притащить-

ся за получением субсидии. Там в очереди одни пенсионеры да тетки с измученными, озлобленными лицами. А тут я – в своей эксклюзивной норке и при цацках за бешеное количество долларов. – Олька закатила глаза к потолку. – Что эти тетки подумают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.